

ГОРЬКИЙ ВКУС НОСТАЛЬГИИ

Старое и новое в литовском кино

Независимая газ. — 1998. — 24 марта. — с. 7

Елена Стишова

«Н ИКОГДА не возвращаюсь в прежние места», — напутствовал поэт. Но мы, как водится, поступаем наоборот. Что же остается, если прошлое заменило нам будущее. Горький вкус ностальгии оказался долгим и удивительно стойким — куда там риглис ферминт и джусси фрукт без сахара. И стоит ли удивляться, что вечера литовского кино, проведенные Конфедерацией союзов кинематографистов стран СНГ и Балтии, были окутаны романтическим флером воспоминаний о звездных часах и звездных персонажах кинематографа, без которого картина общекультурного процесса на территории бывшего Союза была бы неполной и необъективной. Память о литовском кино осталась в городском фольклоре, а это покруче, чем мнения критиков и теоретиков. В золотые годы застоя бытовал такой анекдот: на Красной площади толпа народа окружила кого-то, прохожие норовят протиснуться в первый ряд, протискиваются с огромным трудом, а там стоит «бровеносец в потемках», Брежнев Леонид Ильич. Разочарованный энтузиаст с досадой пеняет приятелю: «А ты говорил: Банионис, Банионис!..»

Литовское кино, особенно в 60-е, взяло на себя миссию эстетической оппозиции и противостояния официозу. Оно было нашей легальной крамолкой, нашей почти что заграницей — до тех пор, пока удавку не затянули так же туго, как и в России. Оно, это кино, посмело иметь ярко выраженные половые признаки. То был мир, который принадлежит мужчинам — по названию одного из сценариев Витаутаса Жалаквичюса, лидера литовского кино, бессменного и незабвенного. Именно он вывел на экран легендарную актерскую когорту суперпрофессионалов, по сей день желанных на съемочных площадках. И сегодня снимающихся в России, как, к примеру, Юозас Будрайтис, знаменитый актер, звезда культового фильма «Никто не хотел умирать», а ныне еще и советник по культуре посольства Литовской Республики в России.

Его присутствие в зале Союза кинематографистов два вечера кряду и настроило публику на ностальгический лад. Будрайтис много снимался у российских режиссеров, он — знак того кино, которое мы потеряли. Того кино, что было одно на всех и дарило откровение и познание — ценности, новым временем отринутые. Пунктиром хрестоматийных кадров из фильмов Жалаквичюса было обозначено это кино в видеофильме — портрете выдающегося мастера, снятом в 1994 г., за два года до его кончины. Проекция была неважной, зато режиссер Гитис Лукшас оказался классным синхронистом, переводил прямо с экрана. Витас, сильно поседевший и усталый, но нисколько не потерявший харизмы, отвечал на вопросы интервьюирующего в своем фирменном, исповедальном, стиле. Хотя, если бы он смог прочитать мои слова, искренне бы удивился.

Жалаквичюса всегда побаивались, было в его поведенческой манере что-то такое, что читалось как высокомерие, недоступность, снобизм. Он и впрямь не был популистом. Не приглашал к беседе. Но более интересного собеседника лично я не встречала. Витас всегда находился в процессе рефлексии, это было его естественное состояние, и владел магией погружения собеседника в поток своего мышления и своей энергии. Возможно, тут разгадка его

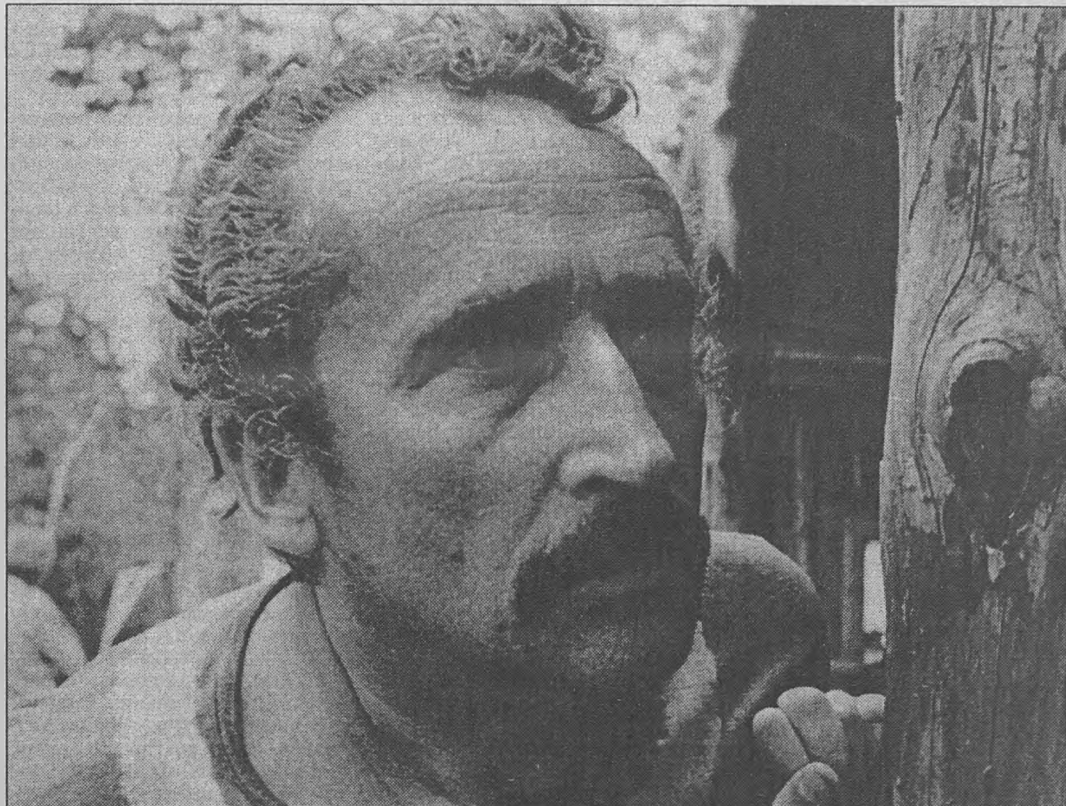
уникального умения «раскалывать» актеров — не только своих, литовских. У него снимались и русские, и молдавские, и латышские актеры. Однако интеллектуал, не скрывающий авторских амбиций, блистательный писатель, написавший 37 сценариев — для себя и для других, снобом вовсе не был. Просто он считал, что одиночество — высшая степень свободы.

Он чувствовал природу кино, как немногие из его современников. Он говорил, что актер прежде всего должен нравиться зрителю. Он говорил, что кино — вещь интимная, несмотря на массовые сцены и эпический охват событий. Он говорил, что главное в режиссуре — уметь рассказать

фильм «Зверь, выходящий из моря», оказавшийся его последней работой. Картина, законченная в 92-м году, никому не была нужна ни в России, ни тем более в Литве. Прокат уже рухнул, рынок еще не сформировался, улица корчилась беззвучная, и фильм о свойствах страсти в то донельзя политизированное время везде был не ко двору. Между тем это замечательное кино, новое для этого мастера, может быть, то кино, к какому он шел всю жизнь. Ему не достало конформизма исполнять новый социальный заказ — делать антисоветское и антирусское кино. Не представляю себе его в этой роли — он был человеком чести. Весь его успех и неуспех на протяже-

лишь полюса борьбы и трагедию противостояния. У Лукшаса трагизм преодолен стилистически — это трагикомедия, даже трагифарс, фильм без героя. На фоне бесконечных обозов с насильственно депортируемыми гражданами возникают скорее знакомые, чем исторически достоверные типажи. Каждый из них — метафора. Структурообразующая метафора — это героиня. Родинамать, Литва, изнасилованная оккупантами, сделавшая аборт у знахарки, а потом родившая сына от своего, от «лесного брата», бывшего гимназиста по прозвищу Иисус.

Режиссер представил свою картину как «маленький миф» о той Литве, которой уже нет. Государ-

Витаутас Жалаквичюс.
Фото Миколы Гнисука

историю. Чувствуете, куда клоню? Жалаквичюс решал проблему зрителя и решил ее. Его принципиально неразвлекательные картины всегда имели прокатную судьбу. Потому что он умел и рассказать историю в подробностях, доступных разве что высокой прозе, насытить ее энергетикой интимности и, представьте себе, эротики. Да, эротики. Не той, расхожей и бесстыжей, что сегодня на потоке. Такую «эротикку» может километрами снимать каждый, вперевзав в руки камеру. Но снять эпизод на сеновале с Оной и Вайтусом, с Вией Артмане и Донатасом Банионисом, чтобы была и обжигающая телесность греховной страсти, и безоглядность любви зрелых людей, на беду нашедших друг друга в безумии гражданской войны, и обреченность, — для этого надо было быть им, Витаутасом Жалаквичюсом. Кинорежиссером милостью Божьей, разгадавшим тайны киноиниции. Человеком, которому дарована была ранняя мудрость. Чего стоит одна эта крылатая фраза «Никто не хотел умирать», оставшаяся — заметьте себе! — в русском языке, хотя сценарий-то был написан по-литовски.

Он был философом собственной жизни, и эта чисто русская черта сроднила его с русской культурой — он не просто ее любил и чувствовал, он был ее адептом. И создал образцовые экранизации русской классики — Чехова («Рассказ неизвестного человека») и Замятина, по рассказу которого «Наводнение» поста-

нии жизни определялись тем, что в его молекулярном составе было слишком мало конформизма. И когда он шел против себя — такое случалось, то платил за это кровом.

В фильме 1965 г. «Никто не хотел умирать» он, тогда тридцатипятилетний, дал экзистенциальную формулу гражданской войны, разорвавшей послевоенный социум на две части по идеологическому и национальному признакам. После него не однажды снимались картины этой тематики, но никто не смог сказать больше, чем он. «Не знаешь, какая боль», — говорил Домовой — Лаймонас Норейка. «Не знаю», — жестко отвечал Бронюс — Бруно Оя, смертельно ранивший лидера «лесных братьев». И было ясно: поменяйся они местами, диалог был бы точно таким же. Домовой мечтал: «Может, и о нас когда-нибудь песню сложат?» Не дождался. Не получается песня.

Не получилась она и в картине Гитиса Лукшаса «Лунная Литва», российская премьера которой прошла в первый вечер. Фильм по сценарию известнейшего литовского прозаика Саулюса Шальтияниса, ныне министра культуры Литвы, поставленный секретарем Союза кинематографистов республики, обречен был трактовать сюжет национально-освободительной борьбы литовского народа против советских оккупантов. Положение обязывает.

Политический спектр сил в послевоенной Литве выглядит здесь куда более пестро, чем у Жалаквичюса, обозначившего

стиму это обошлось не так уж дорого — всего 250 тысяч баксов, как говорится, малобюджетное кино. Картина идет в республике с немалым успехом. Но вот какая штука: в нашем старом кино идеологические акценты уже окаменелость, археология. Их можно изучать, как музейные экспонаты, можно равнодушно скользнуть взглядом — что называется, ноль эмоций. Но в «Лунной Литве» идеологический запал новейшего замеса прошибает густое метафорическое письмо и романтическую иронию. Автор не шадит ни чужих, ни своих, но шила в мешке не утаишь.

Лукшас, конечно, мастер, в том нет сомнений. Уже в дебютной своей картине «Венок из дубовых листьев» он декларировал стиль как свою позицию. Но эту его картину мне трудно оценить адекватно как художественное произведение — мешает чувство исторической вины, которым я маялась во время просмотра. Посмотреть бы это кино лет через пятьдесят, когда отгорят нынешние политические страсти и начнется эпоха политкорректности. Может, тогда и в Литве спокойно отнесутся к тому факту, что в советские времена страна пережила неслыханный до того культурный взлет.

...Но чем хорошо плюрализм и демократия: никаких обид и в помине, публика аплодировала, хоззевая и гости отправились выпивать и закусывать. Гитис Лукшас предложил замечательный тост — за человеческую зависимость в эпоху национальной независимости.